

Б. Н. ПУТИЛОВ

ЖИВОЕ НАСЛЕДИЕ УЧЕНОГО (К столетию Владимира Яковлевича Проппа)¹

Сто лет — дата особенная, в чем-то определяющая для посмертной судьбы ученого ли, писателя, художника: уже остывли страсти, некогда кипевшие вокруг живого, слетело все наносное, отстоялось и упорядочилось творческое наследие, приобрел законченные формы облик личности, определилось его место в истории культуры.

Владимир Яковлевич Пропп ушел от нас 25 лет назад. Давно уже стали историей и получили достойную оценку бесконечные нападки на ученого со стороны догматической критики, коллективные проработки, сопровождавшиеся набором обвинений — в формализме, идеализме и т. п.

Уже при жизни к нему пришла слава: его «Морфология сказки» (1928) пережила второе рождение, была переведена на многие языки, нашла подражателей и продолжателей, а автор ее единодушно был признан одним из основоположников структурно-типологического метода в изучении нарративных текстов. Освоение и осмысление трудов В. Я. Проппа за рубежом продолжается, выходят переводы других его книг. В Японии, например, изданы почти все сочинения ученого.

Научное наследие В. Я. Проппа, можно сказать, полностью нам известно. Его составляют шесть монографий: «Морфология сказки» (2-е изд. — 1969), «Исторические корни волшебной сказки» (1946; 2-е изд., посмертное, — 1986), «Русский героический эпос» (1955; 2-е изд., дополненное, — 1958), «Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования» (1963), изданные посмертно «Проблемы комизма и смеха» (1976) и «Русская сказка» (1984); две крупные антологии: «Былины в двух

¹ Впервые опубл.: Русская литература. 1995. № 3. С. 230–235.

томах» (1958, совместно с автором этих строк) и «Народные лирические песни» (1961); цикл статей по сказкам, эпосу и теории и поэтике фольклора (большая часть их издана посмертно в сборнике «Фольклор и действительность», 1976). В архиве ученого (Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 721) есть материал, который представляет безусловный интерес для науки и будет опубликован.

Скажу с полной убежденностью: в перечисленном наследии В. Я. Проппа нет почти ничего такого, что сохраняло бы лишь историографическую или биографическую ценность. Разумеется, есть положения устаревшие, требующие пересмотра, есть спорные высказывания, есть то, что стоит отнести на счет времени, когда работал ученый. Время это для нас уже «другое», и мы стремительно удаляемся от него, расставаясь с его стереотипами, предрассудками и ложными понятиями. И при всем том наследие В. Я. Проппа остается живым, активно действующим: его книги — на наших столах, его идеи продолжают питать современную фольклористику, его методы и подходы по-прежнему актуальны и продуктивны. Остается живым непосредственное воздействие В. Я. Проппа на несколько поколений здравствующих и действующих ученых. В. Я. Пропп полностью развернулся как *учитель* в 50–60-е гг.: его университетские лекции, спецкурсы и спецсеминары по русскому фольклору, по сказке, эпосу, исторической песне, обрядовому фольклору составили блестящую страницу в истории вузовского преподавания фольклора. Несколько поколений ленинградских студентов прошло через эту школу — и среди тех, кто усвоил его уроки, не только будущие фольклористы, но и будущие историки литературы, лингвисты, этнографы, поэты, учителя, деятели культуры.

Школа Проппа — это, конечно же, прежде всего его аспиранты, которых он пестовал внимательно и строго. Большинство их сегодня — маститые ученые; назову здесь А. А. Горелова, В. И. Еремину, Ю. И. Юдина, И. П. Лупанову, Н. А. Криничную, И. И. Земцовского, А. Ф. Некрылову, А. Н. Мартынову, М. П. Чередникову, Л. М. Ивлеву, К. Е. Корепову, О. Н. Гречину... К ним надо добавить тех, кто формально учениками считаться не могут, не слушали его лекций и не были его аспирантами, тем не менее с полным основанием числят В. Я. Проппа среди своих учителей: Е. М. Мелетинского, Б. Н. Путилова, С. Ю. Неклюдова, Е. С. Новик, П. А. Гринцера, Г. Л. Пермякова... И этот далеко не исчерпывающий список позволяет без преувеличения утверждать, что в современной отечественной фольклористике школе В. Я. Проппа (в широком ее понимании) принадлежит господствующее место. Нетрудно заметить, что ее составляют ученые разных интересов, пристрастий, стилей. И это, в частности, потому, что В. Я. Пропп был учителем необыкновенным: никогда он не подавлял учеников и последователей своим авторитетом, не стремился подчинить своим

взглядам, но пробуждал и поощрял самостоятельность мыслей и позиций, ожидал не подражания, но собственных творческих поисков. Он давал крылья, которые позволяли каждому лететь своим путем. Помимо собственно научных заветов и традиций в сознании и в памяти его учеников и последователей сохраняются и поддерживаются принципы, составлявшие нравственный кодекс Учителя.

Труды В. Я. Проппа в главной своей совокупности — это корпус исследований русского классического фольклора. В смысле широты охвата (жанрового, сюжетного, тематического) его творчество не знает себе равных в истории русской науки. Сказки, былины, исторические песни, баллады, обрядовый фольклор, народная лирика — т. е. почти весь основной жанровый фонд русской народной словесности получил в работах В. Я. Проппа монографическое освещение. Что особенно существенно, ему удалось объединить разработку проблем генезиса, содержания и поэтики жанров, чего, пожалуй, до него никому сделать не удавалось. В. Я. Проппу принадлежит заслуга открытия определяющей роли *структурь*, которой, по его убеждению, обладает каждый жанр традиционного фольклора и обнаружение и исследование которой должно лежать в основе (и в начале) генетического, исторического и функционального изучения жанров. В. Я. Пропп как-то признался, что ему свойственна «несчастная способность» — «видеть форму». Это означало — видеть одновременно и структуру, и ее красоту. Увлеченно занимаясь анализом структуры — будь то волшебная сказка, былина или обрядовая песня, — он открывал мир прекрасного, в этой структуре заложенного. Отсюда особенная тональность, особенный эмоциональный настрой некоторых страниц его книг и статей: оставаясь строгим аналитиком, систематизатором, он не боялся дать волю своему восхищению поэтической красотой открывшегося ему художественного явления и как бы звал читателя пережить вместе с ним это эстетическое волнение. В то же время, как никто другой, В. Я. Пропп обладал способностью обнаруживать генетические корни и семантическую наполненность жанровой структуры и в исторически сложившихся сюжетах, мотивах, образах фольклорных произведений видеть их связь с традицией, их преемственность по отношению к традиции. В беседах и устных выступлениях он постоянно подчеркивал, как важно для фольклориста владеть «чутьем» на традицию, на архаику — без него невозможно понять анализируемые тексты.

Здесь как раз впору сказать, что В. Я. Пропп по ходу своих занятий жанрами народной словесности (преимущественно русской) разработал собственную оригинальную концепцию фольклора как феномена художественной культуры. Он не мог удовлетвориться той концепцией, какая сложилась в советской науке к началу 30-х гг. и считалась почти что официальной, во всяком

случае излагалась в учебниках, вузовских курсах, разделялась большинством. Правда, в одном отношении В. Я. Пропп не противоречил ей: под фольклором он понимал творчество народных низов, т. е. ограничивал его в социальном плане; он также склонен был трактовать фольклор как словесное художественное творчество (в наши дни оба эти ограничения подвергаются принципиальному пересмотру: мы готовы теперь рассматривать фольклор как универсальное, не знающее социальных, профессиональных и иных границ явление традиционной культуры, отнюдь не замыкающееся в рамках искусства).

Главное же, что выделяло Проппа, — это его убеждение в глубокой специфичности фольклора, которая находит свое выражение не в каких-то внешних признаках, но в самом существенном — в законах его создания, исторического развития, функционирования, в его социальной роли, в его отношении к действительности. В. Я. Пропп считал принципиально важным разграничить по этим признакам фольклор и литературу, хотя вовсе не воздвигал между ними стены. Признавая важность филологического подхода к анализу фольклорных явлений, В. Я. Пропп настаивал на том, что у фольклористики есть свои методы и задачи, свой предмет, и потому она, пользуясь достижениями литературоведения, не может в то же время оставаться в его рамках.

Основное расхождение обозначалось в вопросе о том, *как* рождается фольклорное произведение. В статье «Специфика фольклора» (1946) он писал: «Воспитанные в школе литературоведческих традиций, мы часто еще не можем себе представить, чтобы поэтическое произведение могло возникнуть иначе, чем возникает литературное произведение при индивидуальном творчестве. Нам все кажется, что кто-то его должен был сочинить или сложить первый. Между тем возможны совершенно иные способы возникновения поэтических произведений, и изучение их составляет одну из основных и весьма сложных проблем фольклористики. <...> Генетически фольклор должен быть сближаем не с литературой, а с языком, который также никем не выдуман и не имеет ни автора, ни авторов. Он возникает и изменяется совершенно закономерно и независимо от воли людей везде там, где для этого в историческом развитии народов создались соответствующие условия»². Исходя из этого базового положения, которое и до сих пор кажется многим парадоксальным и далеко не у всех встречает понимание и поддержку, В. Я. Пропп дал свое истолкование таким специфическим особенностям фольклора, как устность, изменяемость, вариативность, жанровая дифференциация, явление всемирного сходства³.

² Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избр. статьи. М., 1976. С. 21–22.

³ См. там же статьи «Принципы классификации фольклорных жанров» и «Жанровый состав русского фольклора».

Особенный интерес представляют и сохраняют свою актуальность размышления ученого об отношении фольклора и действительности. Догматическая марксистская теория требовала искать в фольклоре прямое отражение народной жизни, реалии быта, классовой борьбы и т. д. В фольклористике тех лет нередко провозглашались идеи реализма в фольклоре, на первый план выдвигались (или искусственно находились) разного рода реалии — бытовые, психологические и т. д. В. Я. Пропп противопоставил этим конъюнктурным и вульгаризаторским опытам принцип строго дифференцированного подхода к явлениям фольклора с обязательным учетом их жанровой специфики. Для целого ряда классических жанров — сказок, былин и др. — он показал решающую роль условности, фантастики, художественного вымысла, исключающего внешнее правдоподобие и эмпирику жизни как сердцевину содержания. Методологическое значение имела критика позиций исторической школы В. Я. Проппом, доказавшим, что былины возникают не из исторических песен конкретно-исторического содержания и не отражают каких-то конкретных событий, но изначально представляют собою эпическое воспроизведение истории в формах вымышленных сюжетов и образов путем трансформации предшествующей архаической эпики. При этом В. Я. Пропп показал, что эти особенности эпоса вовсе не лишают его исторического содержания и смысла, только и то и другое надо понимать сообразно с характером жанра и, главное, с характером исторического сознания народа. Что касается фольклора в целом, то, с точки зрения В. Я. Проппа, стремление «изображать реальную действительность» — это тенденция, которая появляется в фольклоре сравнительно поздно и постепенно пробивает себе дорогу⁴.

В. Я. Пропп оставил нам завет: искать связи фольклора, его сюжетов, мотивов, образов, поэтических элементов с действительностью не на поверхности текстов, не в отдельных реалиях, а в глубинном их содержании, в подтексте, во взаимодействии их с традицией, в способах и характере трансформаций этой традиции, в скрытых этнографических корнях. Именно В. Я. Проппу принадлежит великая заслуга — преодоление привычного поверхностного, иллюстративного прочтения фольклорных текстов и проникновение в их глубину. Здесь он продолжил и развил лучшие традиции отечественной и мировой науки о фольклоре, представленной трудами А. А. Потебни и А. Н. Веселовского, Дж. Фрэзера и Бр. Малиновского, но и внес свой значительный и характерный вклад, встав тем самым в ряд классиков фольклористики.

⁴ См. там же статьи «Фольклор и действительность» и «Об историзме фольклора и методах его изучения».

Предлагаемый читателю этюд кажется неожиданным и необычным для творчества В. Я. Проппа. Он становится более понятным, если мы примем во внимание тот реальный контекст, в котором этот этюд возник и сохранился. Среди архивных материалов находится уникальный по-своему документ: «Дневник старости. 1962–196...» (РО ИРЛИ, ф. 721. Оп. 1. Ед. хр. 189). Название дневника точно определяет его характер, сюжетику, настрой, содержание записей. Вот несколько выдержек, позволяющих в какой-то мере приблизиться к пониманию того, что представляет собой дневник, и приоткрыть состояние души его владельца: «Моя жизнь вступает в свою последнюю fazu. Все дело теперь в том, чтобы эту fazu прожить достойно. <...> В старости у меня делается обостренное восприятие и усиливается впечатлительность. Рецепция есть вид продуктивности. Если так, моя жизнь продуктивна, ибо я живу в мирах высокого».

Страницы «Дневника» удивительным образом передают «обостренное восприятие» Владимиром Яковлевичем жизни природы, различных ее состояний, перемен. Запись от 23 декабря 1967 г.: «Солнцеворот. Горизонт светлый. Мороз. И на светлой полосе неба — радуга. Первый раз в жизни вижу радугу зимой. Смотрю как на мистерию. Любуюсь. Хватает за самые глубины». 2 января 1968 г.: «Сегодня небо молочно-серое, но если смотреть внимательно, то на краях оно розовеет, так слабо, что сперва ничего не видно, и только всмотревшись, открываешь красоту».

Столь же обостренно восприятие жизни, текущих дней и прошлого: «Я вижу все не так, как видел раньше. Нет великих и малых событий: есть события только великие». О работе над переизданием «Морфологии сказки»: «Было 4 месяца счастья умственной деятельности. Были дни и часы подъема».

Неожиданный пассаж о далеком: «22 марта 1918 года был для меня одним из лучших в моей жизни. Была Пасха. Самая ранняя, какая может быть. Я смотрю на огни Исаакия с 7-го этажа лазарета в Новой Деревне⁵. Тогда я любил Ксению Н. Она ходила за ранеными. Было воскресение в природе, и моя душа воскресла от признания не только своего “я”. Где другой — там любовь. <...> Я сквозь войну и любовь стал русским. Понял Россию».

И вот еще: «Круг моей жизни замыкается. Я вновь возвращаюсь к воздуху, которым я дышал в юности. Перечитываю Владимира Соловьева:

Земля-владычица, к тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощущил я,
Услышал трепет жизни мировой.

⁵ В. Я. Пропп служил братом милосердия.

Как волновали эти строки 50 лет назад, как забылись потом и как теперь опять составляют то, чем я живу.

Мир представляется мне озаренным...

«Озаренный мир» — это в значительной мере мир художественных переживаний. Рядом со строчками из Владимира Соловьева — Брудель, русские храмы и иконы, любимые композиторы — Моцарт, Шуман, русские классики — Гоголь, Л. Толстой... Суждения автора «Дневника» нередко категоричны, иногда безжалостны, иногда, напротив, подчеркнуто возвышенны (о кижских церквях: «Можно плакать от счастья. Только люди *на земле* могли создать такое. Ни один город это не может»; о Бруделе: «Вдруг я увидел связь с глубинами народа»; о композиторах: «Искусство музыки кончилось с Шуманом. <...> Под Шостаковича я скучаю. Ничего не могу с собой поделать. Не цепляет. А Моцарт — беспрерывное счастье»; о литературе: «Я “высокомерен” по отношению к писателям, в буквальном смысле этого слова — меряю на высокую мерку. Это выдерживают самые великие писатели, и только их и стоит читать. <...> Литература сильна тем, что вызывает острое чувство счастья. <...> А счастье облагораживает, и в этом значение литературы»).

Очевидно, что в авторе «Дневника» нет ничего от историка литературы, от ее исследователя. Он — *читатель*, меряющий прочитанное собственной «высокой меркой» и, конечно же, глубоко переживающий это чтение (как и слушание музыки, и рассматривание репродукций икон и храмов), соотносящий его со своим душевным миром «в последнюю фазу жизни». При всем том его суждения об искусстве, людях и произведениях искусства необычайно интересны и значительны.

В этом контексте стоит подходить и к этюду о Пушкине.

Имя Пушкина несколько раз появляется на страницах «Дневника». Пронзительная запись летом 1970 г., за несколько недель до смерти: «Купил для дачи однотомник Пушкина. Я не могу прожить недели, не прикоснувшись к Пушкину».

«Прикасаясь» к стихотворению «Жил на свете рыцарь бедный», Владимир Яковлевич выступает исследователем пушкинского текста, но исследователем оригинальным, мало чем напоминающим пушкинистов. Меньше всего мне хотелось бы противопоставлять В. Я. Проппа ученым, специально посвящающим свое творчество Пушкину, — просто хочется подчеркнуть непривычность его подхода. Он видит свою задачу в постижении «глубины и совершенства» стихотворения, в осознании его «сперва как эпического, потом как лирического».

В. Я. Пропп как бы использует свой обширный и эффективный опыт последовательного, неторопливого чтения былинных текстов — с обязательным подключением всех известных вариантов и разночтений, чтобы вникнуть в замысел, в содержание стихотво-

рения в целом и в деталях. По ходу чтения он ставит вопросы, ему не все ясно, что-то он оставляет на будущее. Он не комментатор, но читатель, стремящийся понять текст во всей его глубине. Одна особенность чтения, однако, у В. Я. Проппа для него новая: в работе над былинами, как и над сказками и песнями, он оперировал на уровне сюжетов, мотивов, формул, «типических мест», фразовых отрезков. Фольклорный текст, как правило, не требует проникновения в *отдельное слово*, поскольку в большинстве случаев оно может быть заменено рядом синонимов и текст не претерпит изменений; работа с пушкинским текстом потребовала именно самого пристального внимания к *каждому слову*. В этом смысле анализ «Рыцаря бедного» для Владимира Яковlevича — дело новое, непривычное. Читателю судить, как он справился с этой новой для него задачей. Я же ограничусь еще одним замечанием. В. Я. Пропп выступает в роли своеобразного критика пушкинского текста. Он не только хочет понять Пушкина — он преисполнен желания видеть пушкинский замысел в его совершеннейшем воплощении. Отсюда неожиданные замечания по поводу отдельных поправок поэта («видел он» — «значительно хуже»), но и «оправдания» других поправок («на дороге» вместо «на пути»), и всякий раз — потребность уяснить «изнутри», отчего поэт предпочел то или другое слово, отчего произвел замену. И главное — умение «критика» постигнуть через пушкинское слово или стих глубину смысла целого, красоту идеи и ее воплощения.

Я думаю, что этюд В. Я. Проппа о стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный» вносит свой вклад в наше понимание этого произведения, не говоря уже о том, что он с новой стороны освещает нам личность ученого, чей столетний юбилей мы нынче отмечаем.